

ПРЕАМБУЛА. ТЕОРИЯ АРХЕОЛОГИИ КАК ФЕНОМЕН (Ю.Л.Щапова, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный профессор МГУ имени М.В.Ломоносова, лауреат Ломоносовской премии)

Предлагаемое вниманию читателя издание (далее – Словарь) знакомит с вербальным обеспечением понятий, идей, образов и прочей информации, содержащихся в недавно изданной монографии¹. «Введение в теорию археологической эпохи» – это одно из первых сочинений такого профиля и масштаба. Авторам будет жаль, если сочинение останется не востребуемым по причине избытка² новизны. Упорядоченная информационная новизна, содержащаяся в нём, – это новые, вербальные логико-понятийные *Instrumenta studiorum*, немного напоминают учебное пособие. Упорядоченный логико-понятийный аппарат и тем более его освоение и усвоение – это залог научного успеха исследователя и успешного развития самой науки. Множественно «разное толкование» научных понятий и терминов, когда-то казавшееся естественным, привело к тому, что термин «археологическая культура» имеет около десятка дефиниций, стекло – около 300, венчик сосуда может быть описан десятью разными способами, а в основном объёме сосуда присутствуют «плечики», тулово и «придонная часть».

Видимо: до тех пор, пока специалист мог помнить наизусть весь необходимый объём данных, когда точность счёта (например, находок) находится в пределах много-мало, больше-меньше, а интерес к структурно и информационно более сложным данным ограничен «узким кругом узких специалистов», такое положение дел кажется естественным. Однако то время кончилось, и сейчас разумнее иная тактика: из множества терминов (с дефинициями) согласованно *выбирать* оптимальный и, заявив об этом общественности, держаться за него, вплоть до исчерпания содержащегося в нём потенциала. Именно таким образом, с учётом дефиниции, мы отобрали термины для нашей монографии, и изложили её содержание в «наших терминах». Предлагаемый «Словарь» «привязан» к монографии буквально: язык науки должен быть не только строгим и точным, но и понятным. Это особенно важно в нашем случае, мы предлагаем введение в теорию археологической эпохи (АЭ)³, которая касается структуры и функции, хронологии и периодизации, модели и теории феномена «археологическая эпоха». *Мы хотим быть понятыми*⁴.

Теория-практика, науки прикладные-описательные-аналитические, экспериментальные-теоретические, науки естественные-науки о человеке – это принципы разделения наук, цель которых едина – ничем не прерываемое познание Мира, т.е. добывание строго научных фактов. «Факты – это воздух учёного», – писал и говорил И.П.Павлов⁵; Генералиссимус А.В.Суворов говорил, что «теория без практики мертва, практика без теории – слепа». Извечное противоположение теории и фактов иногда уходит на задний план, и тогда от имени А.Гельвеция звучит идея взаимодействия: «Знание некоторых принципов восполняет недостающее знанию некоторых фактов»⁶.

«Принцип дополнительности» господствует в фундаментальных явлениях физики, и в то же время он приложим, считал Нильс Бор, к явлениям биологического мира. Мне думается, что между идеями и фактами существуют соотношения комплементарности не только в этих науках. Факты не требуют оправданий своему существованию, если они установлены с доста-

¹ Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи. Числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. – М.: 2017. 236 с. Исторический факультет Моск. Ун-та, Федеральный исслед. центр «Информатика и управление» РАН. (Труды исторического факультета МГУ, вып. 97. Сер. II. Исторические исследования, 51).

² Избыток – количество кого-л., чего-л., превышающее потребность. Обилие, полнота [Толковый словарь Ефремовой, 2000].

³ Теоретическим называется то, что принадлежит к сфере умственной, интеллектуальной деятельности.

⁴ Теоретическая археология, археологическая теория и метаархеология – это другие археологические феномены.

⁵ Из «Письма к молодежи» Ивана Петровича Павлова (1849—1936): «Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черновую работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты. Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого. Без них вы никуда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги» (Избр. соч. М., 1949).

⁶ Перевод мой – Ю.Щ.

точной надёжностью. Иначе обстоит дело с идеями, где так легко уклониться в область беспочвенных мечтаний...»⁷. И далее академик Энгельгардт пишет: «В их работе (имеются в виду работы по двойной спирали ДНК Уотсона, Крика и Чаргаффа – Ю.Щ.) теория и ментальный поиск шли рука об руку, роль абстрактного мышления усиливалась поисками вещественного материала. Как же теперь обстоит дело с принципом комплементарности идей и фактов?» Ответ: комплементарность «...оказалась ...оттеснённой на второй план»⁸.

Теория и практика, идеи и факты – это очевидно равновеликие факторы развития науки, – писала я до знакомства с текстом В.Л.Энгельгардта, – и для проявления каждого есть своё время, и, может быть, место. Практика – это безусловный, постоянный и непрерывный процесс накопления фактов (наблюдений, данных). Практика – это непрерывный, континуальный процесс. Теоретические обобщения, напротив, возникают в определённых условиях. Теоретическое обобщение – это возможный признак уровня развития науки, и может оказаться эталоном, пригодным если не измерения, то оценки его (уровня развития).

Мне кажется, что теоретическое обобщение как эталон может быть полезен для масштабирования теорий по уровню их сложности и продвинутости. Возрастание сложности – это закономерный процесс, одну из форм движения которого нередко называют скачкообразной, или сальтационной⁹. Накопление необходимого количества (числа) фактов, пригодных для обобщения, требует времени. Нам же необходимо уловить момент перехода (время и место) «закономерно постепенного» одного количества – качества – в другое. «Модель перехода», похожая на спокойный шаг «по лестнице, ведущей вверх», уместнее и надёжнее в данном случае, чем любой прыжок¹⁰. Скорость и ритм самого процесса можно установить, но для этого нужна очень надёжная хронология.

Поиск порядка, закономерностей и других признаков теории, начавшийся в очередной раз в конце XIX в.¹¹, многократно обнаруживал себя и ранее (очевидный пример – «Система трёх веков», 1836 г.). Следующая активность, пришедшаяся на первые годы советской власти, была непродолжительной, но её результаты огромны. Именно тогда, целое столетие тому назад, была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК-ГАИМК, Институт археологических технологий (ИАТ)), за этим последовало глубокое проникновение в археологию новых методов естественных наук¹², обращение к математике и другим методам, получившим название «новых», одним из которых стал исторический материализм.

Очередной рывок во всеобщем развитии археологии пришёл на первое послевоенное десятилетие и начался почти одновременно с появлением компьютеров (1946 г.). Именно в это время Ж.-К. Гарден (Франция) предложил упорядоченные правила описания артефактов, создал Centre analithique de la documentation archaologique (CADA), и «ввёл в археологию» перфокарты. Продолжением и развитием этих нововведений можно считать компаративистику и «новые археологии», аналитическую, процессуальную, сравнительно-историческую и т.д., развивавшие общеизвестную «систему трёх веков» и формировавшиеся преимущественно

⁷ Энгельгардт В.Л. Факты и идеи в творчестве ученого // Краткий миг торжества. О том, как делаются научные открытия. – М.: Наука, 1989. С. 20-26.

⁸ Там же, С. 24 -25.

⁹ Сальтационный, от *сальтационизм* – группа эволюционных теорий, по которым видообразование *происходит очень быстро – в течение нескольких поколений*. Этот тезис отличает сальтационизм от эволюционизма, где развитие предстаёт в виде *постепенного экстенсивного или интенсивного процесса*. Сальтационность в развитии археологической эпохи вряд ли можно заметить и тем более проследить в настоящее время, но иметь в виду такую возможность нужно, поскольку скорость эволюционных процессов в АЭ – интересный предмет изучения.

¹⁰ Во «Введении...» приведена «лестница внахлёт» как модель смены одной археологической субэпохи (АСЭ) одного уровня сложности – другой, более сложной: например, неолит, пришедший на смену верхнему палеолиту. Таких АСЭ в одной АЭ семь, из которых каждая имеет шесть периодов с шестью разными доминантами: например, неолит, пришедший на смену верхнему палеолиту. Числовая (и графическая) модель структуры (строения) АСЭ открывает нечто общее, касающееся «поведения АСЭ».

¹¹ Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда. Вып. 1. – М.: Синодальная типография, 1901. С. 576–672.

¹² Городцов В.А. Типологический метод в археологии // Общество исследователей Рязанского края. Серия методическая. Вып. 6. Рязань, 1927; Ефименко П.П. Рязанские могильники // Материалы по этнографии, т. 3, в. 1. – Л., 1926.; Арциховский А.В. Курганы вятичей. – М.: РАНИОН, 1930. С. 16.

в англоязычных странах. В это же время появились и получили распространение неизвестные ранее способы извлечения и обработки информации (данных), новые методики датирования, новые научные направления, новая проблематика, новые имена и авторитеты. Естественнонаучный компонент, активно присутствующий в этой новизне, усиливал междисциплинарный тренд в развитии традиционно классическую археологию, облегчая (и ускоряя) становления структурного порядка в организации науки. «Наука вечна в своём источнике, не ограничена в своей деятельности ни временем, ни пространством, неизмерима по своему объёму, бесконечна по своей задаче», – утверждал когда-то Карл Бэр (1792-1876).

Процесс, главный признак которого интернациональная и международная масштабность, вовлёл в себя многие археологии Мира: активно развивающиеся международные археологические сообщества, международные экспедиции и международные научные проекты; развитие естественнонаучных практик и «обмен опытом» – став международными, они постепенно становились фактором развития археологической науки. Трудности освоения междисциплинарной новизны и поиска удобного «языка общения» повсеместно преодолевали примерно с одинаковой скоростью и сходными результатами. Это было редкое время взаимопонимания и творческого единения.

Действительно: язык естественных наук и математики – это далеко не всегда вербальный (естественный) язык, напротив, это более точный, без синонимов, графический язык знаков, цифр, символов, схем, таблиц, формул и т.д. Этот язык давно стал международным, и информация, передаваемая с его помощью, часто не требует перевода. Языковая точность и однозначная терминология – возможные причины возникновения и быстрого формирования общепалеонтологических направлений: вещеведения и археометрии. Археометрия, совсем новая для археологии международная специализация, объединила и сделала доступными все или почти все результаты, полученные в археологиях разных стран благодаря применению неархеологических и негуманитарных практик. Однозначность, проверяемость и воспроизводимость естественнонаучного содержания, можно сказать, «дисциплинировала» археологию, что немаловажно при быстро растущем объеме археологического знания.

Известно, что гуманитарные и естественные науки различают и разделяют не только «языки разных культур» и объект науки, их различают и методы исследования, способы получения знания, его описание, анализ и синтез. Несходство природы знания предполагает не только разные типы его получение и изучения, – оно предполагает и разную культуру мышления. (Столь принципиально крупные различия – трудно преодолимы. Видимо, по этой причине естественнонаучное знание как таковое, получение и работа (обработка) числовой и невербальной информации посылно и доступно не всем гуманитариям). Вместе с тем, опыт освоения естественнонаучной новизны показывает, что труден лишь первый шаг: чем дальше, тем легче, проще и удобнее работать с информацией нового типа и осваивать новое – хорошо интерпретированные естественнонаучную информацию и знание. Будучи переведённым на доступный естественный язык, оно, доступное каждому, способно активно служить тому, кто освоил «инструкцию по его применению» и, конечно, его язык.

К уже известным факторам развития археологии как науки добавились новые представления, среди которых представления об объёме, о понимании и интерпретации знания, о его качестве, глубине и широте; об уровне его теоретического осмысления и возможного обобщения. Таким образом, «объём знания» как фигура речи наполнился содержанием, и возник ещё один фактор развития археологического знания – языковая культура как таковая. Терминология и археологические словари, вербальные синонимические языки и невербальные языки цифр, символов, знаков, графика, схемы и т.д. играют в научной практике роль, которую трудно переоценить. Предлагаемый Словарь как информатор и консультант – незаменимый помощник и в освоении текста «Введения в теорию археологической эпохи»¹³.

¹³ Шапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи. Числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. – М.: Исторический факультет МГУ, Федеральный Исследовательский Центр «Информатика и управление» РАН, 2017.– 236 с. (Труды исторического факультета МГУ, вып.97. Серия II, Исторические исследования).

Обозрение причин и факторов, которые сделали археологию участницей научной революции»¹⁴, станет более полным, если принять во внимание общенаучную конъюнктуру и главную специфику эпохи, в которой рождались квантитативная история, климетрия, историческая информатика¹⁵, когда зрел интерес к теоретическому знанию, к методикам и научно-техническому оснащению гуманитарных и исторических наук, археологии – в том числе. В атмосфере подобного воздействия или взаимодействия, неформального, но глубокого, рядом с традиционной археологией, корни которой в «Системе трёх веков», рождалась и формировалась археология с большой естественнонаучной компонентой. Её составляли кибернетика¹⁶, моделирование, компьютеризация, информатизация, базы данных и прочая иная-другая новизна, которая подвела археологию к тому, что теперь называют «цифровыми технологиями». Они укрепляли интерес к исторической квалиметрии, приближая теоретический бум и в археологической науке. Ожидание неизбежных перемен, следовавшие друг за другом научные сенсации и крупномасштабные открытия новых алгоритмов, эффектов и законов развития – это и есть специфика научной археологической атмосферы всей второй половины и конца XX века. Нечто подобное в это время переживали и другие науки, особенно «слабые», из которых каждая, если не все, стремились стать «наукой нормальной» со своей парадигмой и теориями. Становление количественно-качественно нового знания предполагает необходимые объём, уровень сложности науки и импульс развития.

Потенциал археологической науки того времени, видимо, достиг необходимой полноты и того критического состояния, которые были достаточными для того, чтобы определить её дальнейшее развитие. Институализация теории или теории и методики как научного направления, т.е. создание в академических учреждениях соответствующего отдела/сектора/группы/лаборатории (ИА АН ССР, в Москве и в Ленинграде, в ИА УАН и, позднее, в СО РАН)¹⁷ – признак и готовность тогда ещё советской археологии к закономерному развитию.

«Движущая сила теории археологии» – В.Ф.Генинг, Ю.Н.Захарук, В.М.Массон¹⁸. Нужно отдать должное их активности и инициативе, благодаря которой возникла целенаправленная программа развития археологии в этом направлении, отличная от итоговой программы Всесоюзного совещания 1963 г. Эта последняя предусматривала изучение истории древних производств, частью которого была аналитика (состав материалов и технологии изготовления) и применение математики для обработки получаемых результатов анализов. Кроме того, программа предусматривала изучение хронологии древностей, экологии, сельского хозяйства, методов полевых исследований, включая аэрофотосъёмку. В программе были представлены

¹⁴ В ходе научных революций происходят качественное преобразование фундаментальных оснований науки, смена новыми теориями старых, существенное углубление научного понимания окружающего мира в виде становления новой научной картины мира.

¹⁵ Природа не терпит пустоты: новое естественнонаучное знание и математика и математическая статистика буквально хлынуло в гуманитарные науки, из которых уходили исторический материализм, марксизм в языкознании и т.д. Открывались новые семинары, комиссии, объединения, совещания по пропаганде «новых методов». Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и И.Д. Ковальченко были впереди. Кампания «по ликвидации безграмотности» была хорошо подготовлена и блестяще организована (математическую логику и др. математические предметы с энтузиазмом изучали и осваивали буквально сотни человек, студенты и профессура – «в одном строю»). Общий результат прост и прекрасен: первая университетская кафедра исторической информатики, обязательное знание и понимание информатики и квалиметрии, членство в Ассоциации «История и компьютер», регулярное участие археологов страны в конференциях АИК помогли московской университетской археологии стать достойной великого целелеполагания.

¹⁶ **Кибернэтика** (от др.-греч. κςβελνητικé «искусство управления») – наука об общих закономерностях получения, хранения, преобразования и передачи информации в сложных управляющих системах, будь-то машины, живые организмы или общество. NB: термин «кибернетика» возник и был введён в научный оборот за 200 лет до появления знания, соответствующего термину. Его автор – Андре-Мари Ампер (1775-1836), памятный моему поколению по школьному курсу физики, навсегда связан с понятием «сила тока».

¹⁷ Археологическая лаборатория в Московском университете была создана в 1953 г. Её первоначальный профиль был расширен за счёт добавления установок спектрального и структурного анализа

¹⁸ К числу энтузиастов новых методов и теоретиков археологии принадлежали В.Н.Боряз, В.С.Бочкарёв, Е.П.Бунатян, И.В.Дубов, И.С.Каменецкий, В.Б.Ковалевская, Е.М.Колпаков, Г.С.Лебедев, А.И.Мартынов, А.Д.Пряхин, Г.А.Фёдоров-Давыдов, Е.Н.Черных, Я.А.Шер и др.

и другие археологические и неархеологические методы и методики, – всё, что можно, кроме теории.

Теория – это обязательная составляющая нормальной научной парадигмы¹⁹. В современной российской археологии, к сожалению, нет образца, который был бы объединяющим, чётко сформулированным и общепринятым. Его место, по традиции, занимает типологический метод в археологии²⁰ и интересные и очень полезные идеи и теории, нередко заимствованные из разных наук. Однако самый термин «парадигма» и примеры его использования известны²¹. Кроме того, разработан и опубликован пятичленный вариант структуры парадигмы археологической науки, который охватывает **ЗМ** (материалы-методы-математика) и **2Т** (терминология-теория)²².

Отсюда следует, что, формально и по определению, российская археология принадлежит к числу наук «слабых». Такое состояние является отчасти следствием отношения к научным приоритетам, которое высказали Олег Грабар и Л.А.Беляев, беседовавшие в Принстоне в самом конце XX века: «В наших беседах, сколько помнится, всегда выражалось известное недоверие (временами смешанное с возмущением) по отношению к необоснованному теоретизированию. Мы считали, что время для разработки обоснованной теории ещё не пришло, и сегодня накопление конкретной информации важнее, чем её интерпретация (Л.А.Беляев держался в этом отношении более жёстко, чем я сам)»²³. Приведённое высказывание могло быть справедливым много лет назад. Правда, и тогда было известно, что совокупный мировой запас артефактов достаточен для решения любых археологических научных проблем. Что касается артефактов, находящихся в распоряжении российских археологов, то их объём, мне кажется, достаточен для незамедлительного решения, может быть, не любых и не всех проблем, но многих – безусловно.

К естественным наукам, внедряемым в археологию, относились иначе. Они не только «обслуживали» археологические исследовательские программы. Эти науки существенно влияли на характер и качество исследований, придавая им большую определённую и надёжность: измерять, описывать изделия, реконструировать и толковать процессы и оценивать перспективу. Являя собою совокупность или часть общенаучных установок, эти науки создавали условия для верификации гипотез и обоснования новых представлений, теоретического обеспечения «эмпирических обобщений» и алгоритмов. Свободное владение этой частью археологического знания необходимо обязательно для адекватного понимания концепции «Введения в теорию археологической эпохи». (Прежде всего, потому, что непонимание опасно, к сожалению: оно, возникнув однажды, порождает раздражение и недоверие к концепции, что ведёт к её неприятию).

Реалии сего дня таковы: археология как наука развивается, минуя разные этапы, неоднородное содержание которых определяют движение времени, различные пространство и шесть доминант²⁴. В археологическом знании присутствуют признаки попарно противополо-

¹⁹ Парадигма (от греч. *παράδειγμα*, «пример, модель, образец») – совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов.

²⁰ Городцов В.А. Типологический метод в археологии // Общество исследователей Рязанского края. Серия методическая. Вып. 6. Рязань, 1927; Монгайт А.Л. Типологический метод в археологии // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. – М.: «Советская энциклопедия», 1973. С. 226.; Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЕНДИСИ, ЛНИФАО, 1991. 448с.

²¹ Черных Е.Н. Парадигма археологии сквозь призму естественно-научных методов // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 1. С. 43-55.

²² Однако опубликованная структура парадигмы научным сообществом в печати не обсуждена и, следовательно, не принята: Щапова Ю.Л. Парадигма-пентада археологической науки // Проблемы исторического познания. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 93-106; Щапова Ю.Л. Парадигмы в археологической науке // Проблемы исторического познания. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. С. 102-112.

²³ Грабар О. Вместо заключения // *Archeologia abrahamica*. Ed. By Leonid Beliaev. – М.: Индрик. 2009. С. 451-452.

²⁴ Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение..., 2017. В археологической эпохе (АЭ) 20 археологических периодов и семь археологических субэпох (АСЭ): археолита (*αλσιικά* – «первоначальный»), трёх палеолитов, неолита, бронзового и железного веков. В каждой АСЭ по шесть, объединённых в три фазы, периодов со своей доминантой каждый: антропогенез, успешный результат которого проявляется в расширении Ойкумены – это скрытая

ложных стратегий развития: интенсивное-экстенсивное, индуктивное-дедуктивное, эмпирическое-теоретическое. Три варианта попарных стратегий можно адресовать двум видам развития познания. На этом уровне сложности (организации) возможны 24 варианта археологического знания (табл., см. правую нижнюю ячейку).

Таблица. Структурные уровни организации и классификация археологического познания/знания

№ п/п	Познание		Источник знания		Развитие знания		Σ
	Индуктивное	Дедуктивное	Эмпирический	Теоретический	Экстенсивное	Интенсивное	
1	+		+		+		3
2	+			+	+		3
3		+	+		+		3
4		+		+	+		3
5	+		+			+	3
6	+			+		+	3
7		+	+			+	3
8		+		+		+	3
Σ	4	4	4	4	4	4	24

Индуктивное познание АЭ на базе **эмпирического** знания развивается и интенсивно, и экстенсивно, т.е. существует в движении от простого – к сложному, от частного – к целому. Результат такого познания, как и самое знание, нуждаются в верификации: его *истинность требует доказательств*.

Дедуктивное познание АЭ на базе **эмпирического** знания развивается и интенсивно и экстенсивно, т.е. существует в движении от сложного – к простому, от целого – к частному. Такое знание не нуждается в верификации и его *истинность не требует доказательств: оно истинно по своей природе*.

Теоретизация результатов индуктивного познания происходит за счёт движения от частного (единичного) к целому за счёт сокращения разнообразия, т.е. за счёт потери информации и упрощения самого знания.

Теоретизация результатов дедуктивного познания происходит за счёт движения от целого к частному (единичному) за счёт наращивания разнообразия, за счёт усложнения и наращивания информации.

Очевидно, что дедукция как направление и динамика исследования приводит к большим результатам во всех рассмотренных выше случаях, чем индукция.

Индукция, её движение от частного (единичного) к целому, начинается на уровне чувственного наблюдения материально *реального объекта исследования*, представляющего перед исследователем в первозданном виде «археологического источника», никак не раскрытой «вещи в себе». Индуктивный подход обеспечивает результаты, которые дедукции недоступны. Следовательно, индукция и дедукция, будучи крайностями, тем не менее, взаимодействуют между собой «по принципу дополнительности». Все этапы сбора и накопления археологического знания – это скрупулёзная, разносторонняя, тонкая и глубокая фиксация наблюдений

(первая) фаза; развитие материального, социального и идеального (духовного) – явная фаза и инволюция с последующей пролонгацией – скрытая (третья) фаза. Шестичастная периодизация макромасштабна, чтобы она оставалась актуальной для всех АСЭ, нужно сделать мезомасштабной АСЭ бронзового и железного веков. С учётом наложения АСЭ (модель АЭ напоминает «лестницу снахлёт») в развитии АЭ «участвует» 37 периодов. (Более подробно: Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. – М.: КомКнига, 2005. 192 с.).

в соответствии с «протоколом» или так называемым «чек-листом поведения»²⁵. Итоговые результаты проведённого анализа позволяют составить общее представление об истинном археологическом знании и познании АЭ.

Истинное археологическое познание АЭ дедуктивно, оно основано на совокупном эмпирико-теоретическом знании, развивающемся интенсивно-экстенсивно, дедуктивная теоретизация которого происходит за счёт увеличения общего разнообразия (знания) и за счёт наращивания (усложнения) информации об артефакте, о «вещи в себе», выступающей в качестве первоисточника археологического источника.

Таким образом, **объект археологической науки** (объект археологии) – это археологическое знание, теоретизированное и практически безграничное, содержание которого, научная тематика и проблематика никак не лимитированы. Такая археология всегда актуальна, конкретна, междисциплинарна и восприимчива к новизне; являясь общей, она самодостаточна, ценна, перспективна и индексирована.

Субъект археологии (*Homo sapiens* первых двух уровней сложности и все его предковые формы, начиная с «человека способного» *Homo habilis*) существовал реально в двух средах обитания: естественной, живой и неживой природы, и искусственной, созданной субъектом АЭ, являясь частью и продолжением развития первой. Классическая, ортодоксально правильная археологическая наука, как мне кажется, построена именно на таком основании²⁶. Классическая археология ценна, актуальна и самодостаточна для исследования как некая развившаяся отдельность более древнего целого. Таким образом, археология как мультидисциплинарная наука изначально стихийна и разномасштабна. Знания, на которые она опирается, несмотря на их воспроизводимость и доказуемость в настоящее время, могут быть разными²⁷, даже сомнительными и просто ложными²⁸.

Разное происхождение, объем, качества и свойства археологического знания, с одной стороны, и разные научные интересы, вкусы и предпочтения учёных-археологов, сделали археологию исподволь и давно наукой разноплановой и многоотраслевой. Кроме полевой, камеральной и кабинетной (в этих случаях критерием подразделения служит «место работы»), существуют разные другие археологии²⁹: кроме археометрии и вещеведения, особый статус которых признан, статуса отдельной субдисциплины достигли историография и история науки³⁰.

Известное жанровое разнообразие научной литературы (монографии, энциклопедии, словари, учебники и учебные пособия, статьи, тезисы, рефераты и т.д.) оказывается для археологии недостаточным. Наличествующая тематика и проблематика археологических публикаций, субдисциплин и разных вариантов археологий – чрезвычайно широка. Сочинения по археологии, выполненные в разных жанрах, прежде всего, масштабны³¹. Термин «масштаб»

²⁵ Чек-лист – это список простых действий, которые, будучи точно выполненными, ведут к определённо предсказанному результату.

²⁶ Ортодоксальный – от французского *orthodoxal* исторически оно восходит к греческому: *ορθοδοξία*, означая «правильное учение», «правовереие», «ορθός» переводится как «прямой», «правильный». В общем понимании – это неуклонно и последовательно придерживающийся основ какого-то мировоззрения, доктрины, концепции, преданно следующий своему миропониманию.

²⁷ Pietschmann H. Can scientific knowledge be called “Fruth”? // Hashi H. (Ed.) *Philosophy of Nature in Cross-Cultural Dimension*. Hamburg Verlag Dr. Kovac, 2017. P. 3-11.

²⁸ Pietschmann H. Ibidem. P. 7-8: полагает, что “eertain” - некоторое (частичное, неполное) знание может быть ложным (falsified). Причиной тому могут стать неконтролируемые обстоятельства или случай.

²⁹ Дескриптивная, аналитическая, процессуальная, первобытная, историческая (бытовая, Библейская и т.п.), региональная и межконтинентальная (евразийская), локальная и глобальная, фрагментарная и целостная, меж- и мультидисциплинарная.

³⁰ Мельникова О.М. История и историография археологии в контексте предмета археологии, интеллектуальной истории и современных практик воспроизводства науки // *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. IV. – М.: ИА РАН, 2015. С. 251-261.

³¹ В качестве примеров приведу несколько названий (без указания выходных данных и автора): «Мегаструктура евразийского мира: основные этапы формирования», «Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия» или «1917 год: российская археология на переломе веков», «Материальное производство в археологическую эпоху», «Древнерусский город», «Золотное шитье», «Вятские древности», «Античная Горгиппия» или «Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*».

в общем математическом смысле представляет отношение двух линейных размеров; из которых один – единица измерения; в гуманитарном знании и в обыденной жизни «масштаб» означает размах, охват, значение. Слово «охват» как нельзя более определяет жанровое разнообразие археологической литературы. Внутри масштабно разного информационного поля формируются и скрыто присутствуют своего рода нормативы, по-существу, смысловые, но вполне пригодные для градации масштаба («охвата»). Первые три – это эпизод³², событие³³ и феномен³⁴. Их можно было бы назвать стабильными, устойчивыми, статическими, «малыми формами», четвёртый – «процесс»³⁵, от лат. *processus* «течение, ход, продвижение» – форма динамическая и крупная. Сложившаяся таким образом тетрада «охвата» имеет следующий вид:

ЭПИЗОД – СОБЫТИЕ – ФЕНОМЕН – ПРОЦЕСС.

Динамика процесса развёртывается в пространстве и времени. Напомню: связь любого явления со временем отражает его положение на шкале времени, которое придаёт ему значение события исторического, что особенно ценно для процесса, масштаб которого крупнее трёх других. Не исключено, что пентада каким-то образом фиксирует или иллюстрирует исторический путь превращения малозаметного эпизода в историческое событие и далее в явление и исторический процесс – и в археологическую эпоху. Если дополнить тетраду понятием времени, то может случиться непредвиденное: получим представление о пентаде в эволюции масштаба событий самого исторического процесса, не только истории его изучения:

ЭПИЗОД – СОБЫТИЕ – ФЕНОМЕН – ПРОЦЕСС – ХРОНОЛОГИЯ.

Таким образом, определив масштаб исследования для одних целей, для прогноза уровня сложности результатов, направлений, проблематики и масштаба исследований рядом с процессуальной, аналитической, теоретической или библейской археологией могут появиться, например, «Археология эпизода» или «Археология феномена». «Археология событийная»³⁶ и даже «Диагностическая археология»³⁷ как некий инструмент для оценки качества проведённого исследования путём соотнесения прогноза и результата.

Мне кажется, что прогнозируемые виды археологий – это некий бонус за работу над Словарём. Возможно, что это ещё один способ приращения строго научного знания, большого объёма и высокого качества; что оно будет достаточным для создания полной группы событий для характеристики АЭ: и для описания, анализа, синтеза, теоретизации и выявления законов от самого начала эволюции и развития человека как индивидуума и как Человечества в целом³⁸.

Мультидисциплинарная археология, Словарь к которой мы подготовили, – это, может быть, первое сочинение, в котором представлена близкая к полноте группа событий, которые касаются археологической эпохи, её структуры, функции, которые помогают уяснить роль, которую она играет, и понять, какое место она занимает в истории Человечества. Человек как доминанта древнейшей части исторического процесса – это относительная новизна общей авторской позиции. Весь антропогенез субъекта АЭ мы раздробили на части и свели его к выяснению продолжительности возможной эволюции уровня сложности организации субъекта АСЭ, которая развёртывалась в первый-третий периоды каждой. По завершении этого этапа,

³² Эпизод (от греч. ἐπεισόδιον) – происшествие, отдельное небольшое событие, вставка.

³³ Событие – то, что имеет место, происходит, наступает в произвольной точке пространства-времени.

³⁴ Феномен (от греч. φαινόμενον – «являющееся», «явление») – термин, в общем смысле означающий явление в произвольной точке пространства-времени, данное в чувственном созерцании. В античной философии термин (от греч. φαινόμενα) означает, напр., у Эпикура, предмет опытного знания. В естественных науках феномен – наблюдаемое необычное явление, редкий факт; феномен – это то, что трудно постичь.

³⁵ Процесс (лат. *processus* «течение, ход, продвижение») – крупномасштабный феномен

³⁶ Событийной могла бы стать археология значительного явления (например, изобретение гончарного круга, скифское золото или первобытное искусство, и т.д.).

³⁷ Диагноз (греч. διάγνσις, лат. *Diagnosis* «распознавание»; от *dia* «врозь» + *gnosis* «знание»).

³⁸ Конца археологическим исследованиям нет: объектом исследования становится культурный слой современного мегаполиса и поиск захоронений последней войны.

названного «узловым моментом» (продолжительность «момента», равная 1000 годам, достаточна для жизни приблизительно 40 поколений развивающегося субъекта) возникала *антропологически новая группа* более сложно организованных субъектов. Общий уровень сложности, трудовые навыки, социально-нравственный и интеллектуально-культурный уровень были существенно выше «родительского». (Оценивая этот факт-реконструкцию в соответствии с законом Парето («20-80»), можно сказать, что группа «пассионариев» палеолита могла составлять около 20% родительской популяции). Именно они как новая популяция, родственная предыдущей родительской, заняв собственную нишу, создавала новую АСЭ, отличную, можно сказать, несходную с ней по всем остальным параметрам и признакам. Подобный «выброс пассионариев» происходил в начале каждой АСЭ. Родительская АСЭ закономерно завершала свою жизненную программу, предыдущего уровня сложности, на протяжении четвёртого и пятого периода АСЭ, развивая культуры социального и духовного, и медленно, в течение всего последнего периода АСЭ, покидала историческую сцену. Бывшие пассионарии, достигшие своего «узлового момента», продолжали бытие по родительскому сценарию, поскольку им на смену приходили «другие пассионарии», их собственные ближайшие потомки. Таков хронологический модуль эволюции и развития человека, и модель (ИКМ-ФМАЭ) его общего развития представляет собою прочную Лестницу из семи ступеней «типа внахлест». Весь антропогенез, равно как вся эволюция АЭ – синхронные на уровне «узловых моментов» процессы – развёртывались в две параллели асинхронно: одна параллель – история субъекта, другая – истории его культур.

Все события АЭ растянутые во времени, чем младше АЭ, тем продолжительнее АСЭ, развёртывались естественноисторически, динамически, ритмично и в полной гармонии всего со всем, внутри социума и среды обитания, естественной и искусственной, несмотря на драматизм и возможную остроту конкретных ситуаций. Численность населения возрастала с ускорением, равным «золотому сечению», но демографическая ёмкость среды обитания находилась на уровне достаточного. Отсюда, мне кажется, начала единения, внутреннего взаимодействия, приоритеты мира и доброты, уважения, чёткого распределения и исполнения половозрастных ролей, что немаловажно: средняя продолжительность жизни редко превышала 25 лет, «институт бабушек» возник лишь около 100 тыс. лет назад.

Новые приметы образа жизни всех вариантов субъектов АЭ гораздо сложнее и интереснее, чем можно себе представить, глядя только на «реконструкции лица по черепу» и опираясь в своих суждениях на неполную группу событий. Монография, продолжением которой является предлагаемый Словарь, содержит немало новых важных подходов, методик изучения явлений и моделирования процессов, в рамках которых развивалась и эволюционировала АЭ. Борьба за существование внутри- и межвидовая – это безусловный избыток. Математический аппарат надёжный, большой, но несложный, равно как и выразительность и информационная насыщенность всей графики монографии, изучать язык которой придётся самостоятельно, мне кажется, стоит того.

Чтобы сделать шаг в предлагаемую научную новизну и в ту, которую самостоятельно откроет пользователь Словаря и читатель монографии, нужен пристальный взгляд на эмпирическую основу, нужна свободная ориентация в археологической литературной классике и полное знание археологической новизны.

Мир противоречив и сложен, но гармоничен и един, равно как наука³⁹.

1 мая 2019 года, г. Москва

³⁹ Недавно выяснилось, что «Введение в теорию...» интересует не только глобалистов, социологов и социофизиков. Историки науки и некоторые естественники-практики признают за ней общенаучное значение.